

ივ. ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის
სახელმწიფო უნივერსიტეტი

Iv. Javakhishvili Tbilisi State University

შოთა რუსთაველის სახელობის ქართული
ლიტერატურის ინსტიტუტი

Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature

კომპარატივისტული ლიტერატურის ქართული
ასოციაცია (GCLA)

**ლიტერატურათმცოდნეობის
თანამედროვე პრობლემები**

Contemporary Issues of Literary Criticism

XI

**რომანტიზმი ლიტერატურაში
ეპოქათა და კულტურათა გზაჯვარედინზე
(ექძვნება დიდი ქართველი რომანტიკოსი პოეტის
ნიკოლოზ ბარათაშვილის დაბადებიდან 200 წლისთავს)
საერთაშორისო სიმპოზიუმის მასალები**

**Romanticism in Literature
On the Cross-road of Epoques and Cultures
(Dedicated to the 200th Birth Anniversary of Prominent
Georgian Romantic Poet Nikoloz Baratashvili)
Proceedings of International Symposium**

**ნაწილი II
Part II**

უნივერსიტეტის
გამომცემლობა

TSU Press

სამეცნიერო კომიტეტი:

ზაზა აბზიანიძე (საქართველო)
რუტა ბრუზგენე (ლიტვა)
გასტონ ბუაჩიძე (საფრანგეთი)
მაია ბურიმა (ლატვია)
რახილია გაიბულაევა (აზერბაიჯანი)
მანანა გელაშვილი (საქართველო)
თამაზ ვასაძე (საქართველო)
ანეტა ვერბერგერი (გერმანია)
ალექსანდრე კარტოზია (საქართველო)
მანანა კვაჭანტირაძე (საქართველო)
გაგა ლომიძე (საქართველო)
ლადო მინაშვილი (საქართველო)
ირმა რატიანი (საქართველო)
ალექსანდრე სტროევი (საფრანგეთი)
კაზბეკ სულთანოვი (რუსეთი)
ჯენიფერ უოლესი (დიდი ბრიტანეთი)
მარია ფილინა (საქართველო)
სიუზან ფრანკი (გერმანია)
მიხეილ ჩხენკელი (საქართველო)
გიორგი შარვაშიძე (საქართველო)

საორგანიზაციო კომიტეტი:

კონსტანტინე ბრეგაძე (საქართველო)
მაკა ელბაქიძე (საქართველო)
გუბაზ ლეთოდიანი (საქართველო)
იორდან ლუცკანოვი (ბულგარეთი)
თათია ობოლაძე (საქართველო)
თამარ შარაბიძე (საქართველო)

რედაქტორი: პროფ. ირმა რატიანი (საქართველო)

სარედაქციო კოლეგია:

ირინე მოდებაძე (საქართველო)
მედეა მუსხელიშვილი (საქართველო)
მირანდა ტყეშელაშვილი (საქართველო)

მხატვარი

რევაზ მირიანაშვილი

კომპიუტერული უზრუნველყოფა

თინათინ დუგლაძე

Scientific Committee:

Abzianidze Zaza (Georgia)
Brūzgienė Rūta (Lithuania)
Buachidze Gaston (France)
Burima Majia (Latvia)
Chkhenkeli Mikheil (Georgia)
Filina Maria (Georgia)
Frank Susanne (Germany)
Gelashvili Manana (Georgia)
Geybullayeva Rahilya (Azerbaijan)
Kartozia Alexandre (Georgia)
Kvachantiradze Manana (Georgia)
Lomidze Gaga (Georgia)
Minashvili Lado (Georgia)
Ratiani Irma (Georgia)
Sharvashidze Giorgi (Georgia)
Stroev Alexandre (France)
Sultanov Kazbeg (Russia)
Vasadze Tamaz (Georgia)
Verberger Annette (Germany)
Wallace Jennifer (Great Britain)

Organizing Committee:

Bregadze Konstantine (Georgia)
Elbakidze Maka (Georgia)
Letodiani Gubaz (Georgia)
Ljutskanov Yordan (Bulgaria)
Oboladze Tatia (Georgia)
Sharabidze Tamar (Georgia)

Editor: Prof. **Irma Ratiani** (Georgia)

Editorial Board:

Modebadze Irine (Georgia)
Muskhelishvili Medea (Georgia)
Tkeshelashvili Miranda (Georgia)

Cover Design by

Mirianashvili Revaz

Computer Software

Dugladze Tinatin

UDC(უაკ) 821.353.1.09(475.22)(063)
ლ-681

კრებულში შესულმა სტატიებმა გაიარა ანონიმური რეცენზირება.
კრებულში დაბეჭდილი სტატიების შინაარსსა და სტილზე პასუხისმგებ-
ლები არიან ავტორები.

The articles included in the collection underwent an anonymous review.
The authors are responsible for the contents and the style of the articles printed in the
collection.

Материалы проходят анонимное рецензирование.
Доклады печатаются в авторской редакции.

კრებულში გამოქვეყნებული სტატიები განთავსებული იქნება Google
Scholars-ის ბაზაში.

The articles of this collection will be found on Google Scholars database.

Сборник размещается на платформе Google Scholars.

წიგნი მომზადდა, აიწყო და დაკაბადონდა გამომცემლობა *GCLA Press*-ის
მიერ.

The book was prepared for publishing in *GCLA Press*.

© თსუ შოთა რუსთაველის ქართული ლიტერატურის ინსტიტუტი, 2017

© კომპარატივისტული ლიტერატურის ქართული ასოციაცია, 2017

© TSU Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2017

© Georgian Comparative Literature Association (GCLA), 2017

0179 თბილისი, ი. ჭავჭავაძის გამზირი 14

14 Ilia Tchavchavadze Avenue, Tbilisi 0179

Tel. 995 (32) 225 14 32

www.press.tsu.edu.ge

ISBN 978-9941-13-662-7

ISSN 1987-5363

სარჩევი

რომანტიკული მსოფლალქმა, თემები და მოტივები Romantic World-View, Themes and Motifs

DAVID MAZIASHVILI

Georgia, Tbilisi

Byron: ET IN ARCADIA EGO.....21

დავით მაზიაშვილი

საქართველო, თბილისი

ბაირონი: ET IN ARCADIA EGO.....21

YANIS MANUKYAN

Russia, Saint Petersburg

Nietzsche and Romanticism

(based on the materials of “The Birth of Tragedy, or:

Hellenism and Pessimism”.....26

Я.А.МАНУКЯН

Россия, Санкт-Петербург

Ницше и романтизм

(на материале произведения «Рождение трагедии.

Или: эллинизм и пессимизм».....26

IRINE MODEBADZE

Georgia, Tbilisi

“Below me the Silver-Capped Caucasus Lies...”

(At the beginning of a romantic myth).....39

ИРИНЭ МОДЕБАДЗЕ

Грузия, Тбилиси

«Кавказ подо мною...»

(у истоков романтического мифа).....39

† ВАЛЕНТИН НИКИТИН

Российская Федерация, Москва

Религиозно-мистические мотивы

в поэзии Николоза Бараташвили:

исповедь как путеводитель к Богу.....53

TAMAR NUTSUBIDZE

Georgia, Tbilisi

The Concept of a *Wanderer* (“*Mtsiri*”)

in Baratashvili’s Poetry.....65

თამარ ნუცუბიძე

საქართველო, თბილისი

„მწირის“ კონცეპტი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის ლირიკაში.....65

DANUTA OSSOVSKA

Poland, Olshtyn

The Motif of the River in the „Geographical”

Poetics of Polish Romantics

from the Group of „Caucasian” Poets.....70

ДАНУТА ОССОВСКА

Польша, Ольштын

Мотив реки в «географической»

поэтике польских романтиков из

группы «кавказских» поэтов.....70

K. N. OTEVA

Russia, Saint Petersburg

Images of Romantic Characters in F. Dostoevsky’s

Novel “Idiot” and in its Film Adaptations

(by J. Lampen and I. Pyriev).....85

K. H. OTEVA

Россия, Санкт-Петербург

Образы романтических героев в романе

Ф. М. Достоевского «Идиот» и его экранизациих

(работы Ж. Лампена, И. А. Пырьева).....85

NINO POPIASHVILI

Georgia, Tbilisi

Cultural Markers of Romanticism:

The West and the East

(The aspects of Friedrich Rückert's

poetical point of view).....95

ნინო პოპიაშვილი

საქართველო, თბილისი

რომანტიზმის კულტურული მარკერები:

დასავლეთი და აღმოსავლეთი

(ფრიდრიხ რიუკერტის პოეზიის

მსოფლმხედველობრივი ასპექტები).....95

TATSIANA SUPRANKOVA

Belarusian State University

Belarusian Faust-concept at the

rossroads of epochs and Cultures.....101

T. C. СУПРАНКОВА

Беларусь, Минск,

Белорусская фаустиана

на стыке эпох и культур.....101

N.M. USTIMENKO

Russian Federation, Rostov-on-Don

Tragic Premonition of Fate in the Poetry

by Nikoloz Baratashvili and Sergey Yesenin118

Н. М. УСТИМЕНКО

Россия, г. Ростов-на-Дону,

Трагическое предчувствие своей

судьбы в поэзии Николоза Бараташвили

и Сергея Есенина.....118

JALAL FARZANEH DEHKORDI

MOHAMMAD AMIN MOZANEB

Tehran, Iran

Byron's *Cain* the Metaphysical Rebellion of

a Gnostic Soul in Search of Terrestrial Paradise.....131

NINO KAVTARADZE

Georgia, Tbilisi

The Mythologem of an Artist in

Romanticism and Modernism.....142

ნინო ქავთარაძე

საქართველო, თბილისი

ხელოვანის მითოლოგემა

რომანტიზმსა და მოდერნიზმი.....142

რომანტიზმის ესთეტიკა და ლიტერატურული პროცესი

Aesthetics of Romanticism and Literary Process

L.A. BORIS

Russia, Moscow

The Depressive Romanticism

of Petr A. Viazemsky.....152

Л.А. БОРИС

Россия, Москва

Депрессивный романтизм П.А. Вяземского.....152

IA BURDULI

Georgia, Tbilisi

Imitation of the Romantic

Codes in Postmodern Texts.....166

ია ბურდული

საქართველო, თბილისი

რომანტიკული კოდების იმიტირება

პოსტმოდერნისტულ ტექსტში.....166

NUGESHA GAGNIDZE

Georgia, Kutaisi

The Perception of Nikoloz Baratashvili's

“Merani” in Giwi Margvelaschvili's

Novel “Muzal”173

ნუგეზა გაბნიძე

საქართველო, ქუთაისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის „მერანის“ რეცეფცია

გვიგ მარგველაშვილის „მუცალში“.....173

KETEVAN GARDAPKHADZE

Georgia, Tbilisi

Friedrich Hölderlin about Empedocles182

ქეთევან გარდაფხაძე

საქართველო, თბილისი

ჰოლდერინი ემპედოკლესის შესახებ.....182

LUDMILA HRYTSYK

Ukraine, Kiev

Nikoloz Baratashvili in Ukrainian

Discourse on the Arts and Sciences.....194

ЛЮДМИЛА ГРИЦИК

Украина, Киев

Николоз Бараташвили в украинском

научном и художественном дискурсах.....194

ANDREW GOODSPEED

Macedonia, Tetovo

The Curse in a Dead Man’s Eye’:

Sight and Vision in Coleridge’s

“The Rime of the Ancient Mariner”202

OLENA GUSIEVA

Ukraine, Mariupol

Nostalgic and “Utopian” Symbols of Romanticism.....211

Е. И. ГУСЕВА

Украина, Мариуполь

Ностальгическое и «утопическое»

в поэтических символах романтизма.....211

TEA DULARIDZE	
TAMAR TARKHNISHVILI	
<i>Georgia, Tbilisi</i>	
Elements of Romanticism in	
Franz Grillarzer's <i>Sappho</i>.....	220

თეა დულარიძე	
თამარ თარხნიშვილი	
<i>საქართველო, თბილისი</i>	
რომანტიზმის ელემენტები	
ფრანც გრილპარცერის ტრაგედიაში „საპფო“.....	220

SVETLANA YEVTUSHENKO	
<i>Ukraine, Kiev</i>	
Romantic Code in Postcolonial Texts	
(based on the novel by	
John Maxwell Coetzee “Disgrace”).....	229

С.О. ЕВТУШЕНКО	
<i>Украина, Киев</i>	
Романтический код	
в постколониальных текстах	
(на материале романа	
Джона Максвелла Кутзее «Бесчестье»).....	229

KETEVAN ELASHVILI	
<i>Georgia, Tbilisi</i>	
Blue (sorrow) Aesthetics	
(Nikoloz Baratashvili).....	237

კეთევან ელაშვილი	
<i>საქართველო, თბილისი</i>	
სევდის ესთეტიკა	
(ნიკოლოზ ბარათაშვილი).....	237

SALOMĖJA JASTRUMSKYTĖ	
<i>Lithuania, Vilnius</i>	
Dissemination of Synaesthesia in the	
Theory of Romanticist art.....	244

VIKTORIA IVANENKO

Kyiv, Ukraine

**There and Back: the Real, the
Imagined, and the Multi-worldness in
Contemporary Scottish Prose.....262**

NESTAN KUTIVADZE

Georgia, Kutaisi

**Baratashvili's Poetic Icon in
Simon Chikovani's Creative Work.....277**

ნესტან კუტივაძე

საქართველო, თბილისი

**ბარათაშვილის პოეტური ხატი
სიმონ ჩიქოვანის შემოქმედებაში.....277**

GAGA LOMIDZE

Georgia, Tbilisi

What did Baratashvili Enjoy Read?.....285

KAKHABER LORIA

Georgia, Tbilisi

**Neoromanticism in
Vasil Barnov's Creative Activity.....290**

კახაბერ ლორია

საქართველო, თბილისი

**ნეორომანტიზმი
ვასილ ბარნოვის შემოქმედებაში.....290**

TATIANA MEGRELISHVILI

Georgia, Tbilisi

**Artistic Consciousness and its Forms
in the Poetics of Russian Romanticism.....303**

ТАТЬЯНА МЕГРЕЛИШВИЛИ

Грузия, Тбилиси

**Художественное сознание и его формы
в поэтике русского романтизма.....303**

SABA METREVELI

Georgia, Tbilisi

The Ideals of Romantic Theatre

and Nikoloz Baratashvili.....316

საბა მეტრეველი

საქართველო, თბილისი

რომანტიკული თეატრის ანარეკლები და

ნიკოლოზ ბარათაშვილი.....316

KETEVAN NADAREISHVILI

Georgia, Tbilisi

The Golden Fleece of Grillparzer in

the Context of the Writer's Literary

and Aesthetic Outlooks.....324

ქეთევან ნადარეიშვილი

საქართველო, თბილისი

გრილ პარცერის ტრილოგია „ოქროს საწმისი“

მწერლის ლიტერატურულ-ესთეტიკურ

შეხედულებათა ჭრილში.....324

MAIA NINIDZE

Georgia, Tbilisi

Moses and Aaron of the 19-th Century

Georgian Literature.....336

მაია ნინიძე

საქართველო, თბილისი

მეცხრამეტე საუკუნის ქართული

ლიტერატურის მოსე და აარონი.....336

TAMAR PAICHADZE

Georgia, Tbilisi

For the Reception of Romanticism in

Georgian Symbolic Discourse.....349

თამარ პაიჭაძე

საქართველო, თბილისი

რომანტიზმის რეცეფციისათვის

ქართულ სიმბოლისტურ დისკურსში.....349

NATIA SIKHARULIDZE

Georgia, Tbilisi

**Trace of Nikoloz Baratashvili's Lyrics in
Galaktion Tabidze's Neoromantic Texts.....360**

ნათია სიხარულიძე

საქართველო, თბილისი

**ნიკოლოზ ბარათაშვილის ლირიკის
კვალი გალაკტიონ ტაბიძის
ნეორომანტიკულ ტექსტებში.....360**

ANASTASIA STETSENKO

Ukraine, Kiev

**Musical Code of Confession in
French Romantic Novel.....371**

MANANA PKHAKADZE

Georgia, Tbilisi

From Bloody Revenge to “Cultural” One.....381

მანანა ფხაკაძე

საქართველო, თბილისი

სისხლიანიდან „კულტურულ“ შურისძიებამდე.....381

EKA CHKHEIDZE

Georgia, Tbilisi

**Aesthetics of the Romanticism
and the Face Symbol of Raven.....390**

ეკა ჩხეიძე

საქართველო, თბილისი

**რომანტიზმის ესთეტიკა და
ყორანის სახე-სიმბოლო.....390**

**რომანტიკოსები ცხოვრებასა და შემოქმედებაში
Romantic Poets in Life and Work**

ZAZA ABZIANIDZE

Georgia, Tbilisi

**The Nephew and His Uncles
(Nikoloz Baratashvili's relationship
with Grigol and Ilia Orbeliani).....398**

ზაზა აბზიანიძე

საქართველო, თბილისი

დისპეილი და ბიძანი მისნი

(ნიკოლოზ ბარათაშვილის ურთიერთობა

გრიგოლ, ზაქარია და ილია ორბელიანებთან).....398

IA GRIGALASHVILI

Georgia, Tbilisi

Rebel Poets

(According to the works and letters by

Giacomo Leopardi and Nikoloz Baratashvili).....409

ია გრიგალაშვილი

საქართველო, თბილისი

მეამბოხე პოეტები

(ჯაკომო ლეოპარდისა და

ნიკოლოზ ბარათაშვილის შემოქმედებისა

და წერილების მიხედვით).....409

JULIA EREMEEVA

Russia, Moscow

Light of Russian Spirituality

in the Works of Leonid Borodin.....416

ЮЛИЯ ЕРЕМЕЕВА

Россия, Москва

Свет русской духовности

в произведениях Л. Бородин.....416

TAMAR SHARABIDZE

Georgia, Tbilisi

From Georgian-Azerbaijani Literary Relations

(Nikoloz Baratashvili and Goncha Begum).....421

თამარ შარაბიძე

საქართველო, თბილისი

ქართულ-აზერბაიჯანული

ლიტერატურული ურთიერთობიდან

(ნიკოლოზ ბარათაშვილი და გონჩა ბეგუმი).....421

MAIA TSERTSVADZE

Georgia, Tbilisi

Poetic Lexis of Private Letters

by Nikoloz Baratashvili.....429

მაია ცერცვაძე

საქართველო, თბილისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის პირადი

წერილების პოეტური ლექსიკა429

ქართული რომანტიზმი
Georgian Romanticism

LEVAN BEBURISHVILI

Georgia, Tbilisi

Literary and Aesthetical

Views of Grigol Orbeliani.....437

ლევან ბებურიშვილი

საქართველო, თბილისი

გრიგოლ ორბელიანის

ლიტერატურულ-ესთეტიკური შეხედულებები.....437

KONSTANTINE BREGADZE

Georgia, Tbilisi

The Romantic Lyric by Nikoloz Baratashvili

as a Unified Poetical Text.....445

კონსტანტინე ბრეგაძე

საქართველო, თბილისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის რომანტიკული

ლირიკა, როგორც ერთიანი ტექსტი.....445

LEVAN BREGADZE

Georgia, Tbilisi

Nikoloz Baratashvili's Romanticism.....455

ლევან პრეზაძე

საქართველო, თბილისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის რომანტიზმი.....455

LIA KARICHASHVILI

Georgia, Tbilisi

“Rustaveli” by Alexander Orbeliani.....472

ლია კარიჭაშვილი

საქართველო, თბილისი

ალექსანდრე ორბელიანის „რუსთაველი“472

DAREJAN MENABDE

Georgia, Tbilisi

My Journey from Tiflis to Petersburg by

Grigol Orbeliani in the Context

of Georgian Travel Literature.....478

დარეჯან მენაბდე

საქართველო, თბილისი

გრიგოლ ორბელიანის

„მგზავრობა ჩემი ტფილისიდან

პეტერბურამდის“ ქართული სამოგზაურო

ლიტერატურის კონტექსტში.....478

ბარათაშვილი და მსოფლიო რომანტიზმი Nikoloz Baratashvili and the World Romanticism

NANA GONJILASHVILI

Georgia, Tbilisi

For Understanding of

Nikoloz Baratashvili’s “Pegasus”.....493

ნანა გონჯილაშვილი

საქართველო, თბილისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის

„მერანის“ გააზრებისათვის.....493

NANA GUNTSADZE

Georgia, Tbilisi

Nikoloz Baratashvili –

the Way to Universal Poetry.....513

ნანა გუნტაძე

საქართველო, თბილისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილი –

გზა უნივერსალური პოეზიისაკენ:

ფრანგული რომანტიზმი და ბარათაშვილი.....513

MANANA KVATAIA

Georgia, Tbilisi

On Reception of Nikoloz Baratashvili's

Poetic Phenomenon.....524

მანანა კვათაია

საქართველო, თბილისი

ნიკოლოზ ბარათაშვილის პოეტური

ფენომენის რეცეფციისათვის.....524

M.I. LAZARIDI

Bishkek, Kyrgyzstan

“Color celestial, Color blue” of N.Baratashvili.....536

М.И. ЛАЗАРИДИ

Кыргызстан, Бишкек

«Цвет небесный, синий цвет» Н.Бараташвили.....536

UNESCO-ს კულტურული და საგანმანათლებლო პროგრამები
UNESCO Cultural and Educational Programs

METIN EKICI

Izmir, Turkey

Implications of Safeguarding Intangible

Cultural Heritage Convention in

Turkey and the Possible Partnership

Between Turkey and Georgia.....544

PINAR FEDAKAR
Turkey, Izmir
The Intangible Cultural Heritage (ICH)
Projects in the Institute of Turkish World
Studies at Ege University.....553

SVETLANA YEVTUSHENKO

Ukraine, Kiev

Borys Grinchenko Kiev University

Romantic Code in Postcolonial Texts
(based on the novel by John Maxwell Coetzee “Disgrace”)

The article explores the interpretation of the creative heritage of romantic poets by the postcolonial author John Maxwell Coetzee. The South African writer uses the landmark works of the English romantics (Wordsworth, Byron) as a kind of guide / «key» to the penetration and deciphering of the complex realities of modernity in the novel «Infamy». The key turning points of the main character of the novel (encroachment, scandal, bad words) turn out to be a mirror image of the life and work of romantic poets. English romanticism is an important element of the novel «Infamy». He helps to build the plot structure of the work and allows to penetrate into the contradictory essence of modern man.

Key words: decolonization, postcolonial, romanticism, Wordsworth, Byron.

С.О. ЕВТУШЕНКО

Украина, Киев

Киевский университет имени Бориса Гринченко

Романтический код в постколониальных текстах
(на материале романа Джона Максвелла Кутзее «Бесчестье»)

В середине XX века в большинстве колоний происходят процессы деколонизации, благодаря которым появилось большое количество независимых государств. Это в свою очередь поспособствовало изменению геополитической карты мира и привело к появлению новых правил «игры» в международном сообществе. Беспрецедентность перемен подтверждается статистическими данными: в начале XX века приблизительно 800 миллионов людей населяли колониальную территорию, после Второй Мировой войны количество уменьшилось до 3 миллионов. Деколонизация – сложный и неоднозначный феномен. Справедливо отмечают, что форму деколонизации в той или иной стране определяло взаимодействие трех аспектов: колониальная власть, ситуация в колонии и международный фактор. Несмотря на структурные отличия одинаковым оказывался результат – независимость и колониальные проблемы. Анализ неизменных негативных явлений – бедность, неравенство, внешние долги, владычество иностранного капитала, коррупция – свидетельствовали, что реальным следствием

деколонизации стала зависимость от империализма в другом виде. Несмотря на это бывшим колониям удавалось наращивать свой культурный потенциал. Парадоксальным образом имперская политика метрополий заложила своеобразный фундамент для будущего развития талантливых представителей бывших колоний. Такие «цивилизаторские» привычки как европейское образование, книги, наука, библиотеки, путешествия помогли сформировать националистическое мышление значительного числа колониальной интеллигенции и повлияли на формирование так называемых писателей-андрогинов (Б. Акунин), которые выгодно синтезировали в своем творчестве европейские, американские и национальные достижения. Среди подобных авторов достойное место занимает южноафриканский писатель Джон Максвелл Кутзее. Принадлежность к англоязычным африканерам и блестящее европейское образование позволило ему создать произведения, в которых поднимаются актуальные проблемы постколониальной жизни ЮАР, а также активно использовать наследие англоязычных авторов.

Размышляя о значении традиций в современном литературном процессе, Салман Рушди отметил, что создание нового представляет собой использование «старого» с добавлением к нему придуманных новинок. Влияние писатель обозначил как «вливание старого в новое» и в этом он видел часть ответа на вопрос «откуда в мире берется новое» (Рушди 2010: 3). Джон Кутзее в «Дневнике плохого года» отметил, что среди прочитанных современных романов и повестей за последнее время он не нашел ни одной книги, которая его действительно тронула. «За глубокими впечатлениями» он вынужден возвращаться к классикам, «к эпизодам, что в прошлые века назвали бы пробными камнями, камнями, которые пробуешь на ощупь, желая подреставрировать собственную веру в человечество, в непрерывность его истории». Ценностными и вневременными оказываются переживания гомеровских («Приам целует руки Ахиллу, умоляя вернуть тело сыну»), толстовских («утро: Петю Ростова потряхивает от возбуждения, ему не терпится вскочить на коня, а через несколько часов он погибнет») и других персонажей классических произведений. В отличие от большинства современных авторов, классики так владели пером, что любая сцена из ранее прочитанного «предстает будто впервые, сколько раз ни перечитывай». Издатели современных бестселлеров нередко награждают своих авторов статусом классиков, поскольку «классик – тот, кому суждено бессмертье». Однако в большинстве случаев это не гарантирует «вечного» признания и вряд ли подобные сочинения, в отличие от классических, «откроют в тысячный, миллионный раз» (Кутзее 2011: 2).

В романе «Бесчестье» европейская классика выступает важной составной частью художественного текста. Дэвид Лури, главный персонаж романа, по профессии ученый, филолог. Неудивительно, что филология является неизменным атрибутом его существования. Образы, эпизоды, цитаты из классических произведений постоянно сопровождают раз-

мышления Лури. Они возникают в рассуждениях о счастье («Счастливы ли он? По большинству мерок – да, пожалуй что да. Впрочем, он не забывает о последнем хоре «Эдипа»: Прежде смерти не называй человека счастливым» (Кутзее 2011: 1), о старости («Пора кончать, довольно этих игр. Интересно, в каком возрасте Ориген себя оскопил? Не самое изящное из решений, но ведь и в старении изящного мало» (Кутзее 2011: 1) / Ориген – христианский богослов и философ), о красоте («От всех творений мы потомства ждем (...), чтоб роза красоты не увядала» (Кутзее 2011: 1) начало первого сонета У.Шекспира). Нередко он воспринимает свою жизнь сквозь призму существования персонажей классических романов. Любовные утехы с девушкой по вызову Сорайарой вызывают в памяти образ Эммы Бовари, которая возвращается домой после «самозабвенного распутства», «пресыщенная, с остекленевшими глазами» и все твердит: «Так вот оно, блаженство!». Профессор Лури представляет обратившуюся в призрак героиню Флобера, которой удалось каким-то образом отыскать дорогу в Кейптаун. Он фантазирует о возможности показать Эмме, «каким может быть (...) умеренное блаженство» (Кутзее 2011: 1). Позднее, изменившийся после всех потрясений Дэвид Лури, находит утешение в объятиях Бев Шоу. Он расценивает это как помощь, «какую мужчина может получить от женщины» (Кутзее 2011: 1). Престарелый Ромео / Лури «с его обвислыми плечами и худосочными ногами», наблюдая за прижавшейся к нему «кряжистой, суетливой коротышке» Бев Шоу невольно вспоминает Эмму Бовари «перед зеркалом после первого ее большого дня», безмолвно поющую: «У меня есть любовник! У меня есть любовник!». Бев Шоу – это жалкое подобие флюберовской героини, и мысленно предлагая «бедной Бев» что-нибудь спеть, Лури признается в собственном банкротстве.

Дэвид Лури, в прошлом профессор кафедры новых языков, работает на факультете передачи информации в Техническом университете Кейпа, бывшем колледже Кейптаунского университета. Он ведет занятия по курсу 101 («Основные методы передачи информации») и 201 («Передовые методы передачи информации»). Новые дисциплины не вызывают у него интереса, поскольку многие из постулируемых в учебниках «истины» – «человеческое общество создало язык для того, чтобы мы могли передавать друг другу наши мысли, чувства и намерения» – представляются ему нелепыми. Он постоянно ощущает себя не на своем месте в «теперешнем же преобразованном и, на его взгляд, изуродованном учебном заведении». В качестве моральной компенсации после «рационализирования» университета он имеет возможность читать один курс по своей специальности – о поэтах-романтиках. Выбор не случайный, поскольку неординарная жизнь / «Они все умирали молодыми. Или выдыхались. Или сходили с ума, и их сажали под замок» (Кутзее 2011: 1) и творчество романтиков неизменно приковывали внимание профессора Лури. Среди опубликованных книг (не «вызвали восторженных откликов или хотя бы

перешептываний» («Бойто и легенда о Фаусте: генезис Мефистофеля», «Явление Ричарда святому Виктору») третья посвящена Вордсворту и истории – «Вордсворт и бремя истории».

Английский поэт-романтик Уильям Вордсворт, считающийся основоположником романтического школы в Великобритани, занимал особое место в жизни профессора. Он был одним из его учителей и сколько он себя помнил, «в нем всегда отзывалось эхо гармоний «Прелюдии» (Кутзее 2011: 1). В отличие от других поэтов, Уильям Вордсворт прожил долгую жизнь (1770 – 1850): «Перед ним оказался бессилён романтический закон, сулящий гению раннюю смерть, – «Сначала лучшие умрут, а тот, кто сердцем черств и сух, дотлеет до конца» (строка Вордсворта из «Разрушенной хижинь»). Над поэмой «Прелюдия, или Становление сознания поэта» начал работать в 1798 году. Основная рукопись была закончена в 1805 году. Доработкой занимался еще несколько лет. Костяк поэмы составляют 30 эпизодов с описанием «мест памяти», то есть «моментами, когда происходят вспышки воображения». Воображение поэт считал главной творческой силой, которая встает «из глубин сознания поэта» и «позволяет ему острее ощущать бытие – как свое, так и других людей». Оно, в отличие от фантазии, «не уносит поэта в мир иллюзий, а приближает к нему живой мир, высвечивая лучшие, но скрытые стороны действительности». Поэма «Прелюдия...» интересна тем, что поэту удалось предвосхитить развитие возрастной психологии и совместить ее с психологией творчества. Он изображает разные возрастные периоды (детство, юность, зрелость), подчеркивая при этом ментальные изменения, которые сопровождают формирование человека под влиянием разных обстоятельств. Важным открытием поэта стало осознание разного восприятия деталей одного и того же предмета в разном возрасте (Халтрин-Халтурина 2011).

На занятиях профессор Лури занимается со студентами шестой книгой поэмы «Прелюдия» Вордсворта – поэт в Альпах. Он выбирает небольшой отрывок из книги – «С нагой гряды мы зрили в первый раз // Открытый пик Монблана, приуныв, // Что сей бездушный образ посягнул // На мысль живую, коей никогда // Живой уже не быть» (Кутзее 2011: 1), в котором акцентирует внимание на разочаровании от восприятия лирическим героем «величественной белой горы, Монблан». Он задается вопросом: «Странная реакция для человека, путешествующего по Альпам. Откуда это уныние? Оттуда, говорит он, что бездушный образ, не более чем отпечаток на сетчатке глаза, покушается на то, что было некогда живой мыслью. Но в чем состояла эта живая мысль?» (Кутзее 2011: 1). Ключ для ответа таится в одной из наиболее глубоких тем альпийских эпизодов поэмы – посягательстве «простых чувственных образов» / чувственного опыта на «великие архетипы разума, чистые идеи» / царство чистых идей. Размышляя о сохранении чистоты воображения перед натиском действительности, Вордсворт «нащупывает путь к гармонии», а именно: сохранить

«сколько возможно эфемерным чувство-образ как средство возбуждения, активизации идеи, которая лежит, глубоко схороненная, в почве нашей памяти» (Кутзее 2011: 1). Вордсвортская тема посягательства выступает сюжетнообразующим лейтмотивом романа «Бесчестье». Семантические оттенки слова «посягательство» (вторжение, захват, покушение) позволяют максимально точно передать неоднозначность повествовательных событий. Посягательством как вторжение можно охарактеризовать кратковременный роман профессора со своей студенткой Мелани Исаакс. Посягательство как захват сюжетно организывает наиболее трагический эпизод в романе – изнасилование местными жителями дочери профессора Лури.

Дэвид Лури также знакомит своих студентов с творчеством Байрона, обращая особое внимание на негативную роль скандалов и дурной славы в жизни поэта и в восприятии его творчества современниками: «Байрон-человек оказался сплавленным с собственными поэтическими созданиями – Гарольдом, Манфредом, даже Дон Жуаном» (Кутзее 2011: 1). Для анализа профессор выбирает поэму «Лара», главный персонаж которой «не принимает общества людей, презирует их, но (...) имеет на них странное и таинственное влияние». Лара – предвестник Манфреда, персонажа одноименной драматической поэмы Байрона «Манфред». Лури предлагает для обсуждения следующий отрывок: «Среди живых он в мире этом – странник, // Отвергнутый загробным – дух-изгнанник. // Он – жертва темных сил, ему в удел // Назначивших опасности; случайно // И не напрасно ль, – он спастись успел» (Кутзее 2011: 1). «Дух-изгнанник» – это темный ангел Люцифер, изгнанный с небес и брошенный «в странный ему «дышащий мир», в наш мир». Он странник «среди живых», избравший «собственный путь», живущий в опасности и создающий «для себя эту опасность». Извращенная мысль – «Что совершить доступное ему – // Немногим лишь дано иль никому» (Кутзее 2011: 1) – нередко «в минуту ослепления» толкает его на преступления. Профессор объясняет студентам, что Люцифер «действует, руководствуясь не принципами, но порывами, и источник этих порывов для него темен» (Кутзее 2011: 1). «Безумие сердца», а не голова основная причина его поступков как плохих, так и хороших. Поэт не осуждает «это существо с безумным сердцем, существо с неким органически присущим ему изьяном», а призывает «понять его и ему посочувствовать». Но «всякое сочувствие имеет пределы. Ибо, хоть он и живет среди нас, он – не один из нас. Он именно тот, кем себя именует: чудовище. И в конечном итоге Байрон внушает нам мысль, что любить его – в глубинном, человеческом смысле этого слова – невозможно. Он обречен на одиночество» (Кутзее 2011: 1). Во время обсуждения поэмы в аудитории находится молодой человек Мелани, что значительно усложнило общение со студентами. По сути, вопросы Лури были адресованы «молодому человеку

и только ему одному». Чуткая к сидящему среди них чужаку студенческая аудитория «ощутили наличие неких токов, текущих между ним и молодым человеком».

Дэвид Лури работает над сочинением, посвященном Байрону. Первоначальный замысел – написать очередной «критическийopus» о поэте – оказался несостоятельным, поскольку он почувствовал усталость от литературной критики, «от измеряемой ярдами прозы». Более привлекательным ему кажется обратиться к форме камерной музыки, при помощи которой он сможет рассказать о жизни Байрона в Италии и одновременно поразмышлять о любви между полами. В 1820 году поэту исполнилось 32 года, но выглядит «потучневшим, пожилым». Он живет в Равенне с семейством Гвиччиоли: «с Терезой, его услужливой коротконогой любовницей, и с ее учтивым недоброжелательным мужем. Летняя жара, вечерние чаепития, провинциальные сплетни, почти нескрываемая зевота» (Кутзее 2011: 1). В письмах поэт размышляет об адюльтере, который открыл ему «всю скуку супружества» и с грустью отмечает, что тридцатилетие – это барьер «на пути какого бы то ни было подлинного или неистового наслаждения страстью» (Кутзее 2011: 1). Профессор Лури много времени проводит в библиотеке, «читая все, что удается найти, о широком круге друзей и знакомых Байрона, добавляя заметки к тем, что уже заполнили две толстые папки» (Кутзее 2011: 1). В то же время он постоянно пытается уловить рождающиеся фразы, мелодии, обрывки арий из ненаписанного сочинения. Выбор итальянского периода жизни Байрона неслучаен.

Во-первых, среди знатных англичан XIX века было принято приезжать в Италию, поскольку итальянцы казались им более естественными, «в меньшей мере скованными условностями, более страстными». Пятидесятидвухлетний, разведенный профессор литературы, довольно сносно обустроил своё существование: «Он живет, не выходя за рамки своего дохода, своего темперамента, своих эмоциональных возможностей» (Кутзее 2011: 1). Однако роковой кратковременный роман / «странная любовь» со студенткой Мелани Исаакс, обнажил всю глубину неприятия «сообществом праведников» каких-либо отступлений от общепринятых норм и правил. Наказание следует незамедлительно: «Исповеди, мольбы о прощении: откуда эта жажда унизить человека. (...) Люди, которые его окружают, похожи на охотников, загнавших неведомого им зверя и не знающих, как его теперь прикончить» (Кутзее 2011: 1). Мотивы «преступления» Лури – «В основе моего дела лежит право на вожделение (...). В нем чувствуется рука того самого бога, который заставляет трепетать даже самых мелких пичуг» (Кутзее 2011: 1) – не приемлемы для окружающего его общества.

Во-вторых, Байрон обосновался в Италии, спасаясь от скандала после развода со своей женой. Дэвид Лури вынужден был покинуть университет после того, как на него поступила жалоба, подпадающая под статью 3.1. университетского Кодекса поведения: «Статья 3 трактует о домогательствах

или преследованиях по расовым, этническим и религиозным мотивам, на основании половых различий, сексуальных предпочтений или физической немощи. Статья 3.1. посвящена преследованию студентов преподавателями и соответствующим домогательством» (Кутзее 2011: 1). Разгорелся скандал, который подогревался «неудобным» поведением профессора на слушании дела. Он отказался от защитника и признал свою вину по всем обвинениям. Но обвинителям этого было мало, поскольку они жаждали «раскаяния» и мольбы о «прощения». Пуританская публика с его зудливым любопытством хотела увидеть спектакль / телевизионное шоу: «биение кулаками в грудь, раскаяние, по возможности слезы» (Кутзее 2011: 1). Профессор «такого удовольствия не доставил», поэтому скандал прилип к нему и преследовал повсюду. Это делает невозможным его пребывание не только в университете, но и в городе. Он принимает решение уехать на маленькую ферму дочери, расположенную в нескольких милях от города.

В-третьих, в Италии у Байрона «приключилась последняя в его жизни большая любовь» – графиня Гвиччиоли. Дэвид Лури не называет свои отношения с Бев Шоу любовью. Он проводит с ней много времени, помогая совершать очередной Lösung. Учится у неё «сосредотачивать все внимание на животном, которое они убивают, давая несчастному то, что он, не испытывая теперь неловкости, называет так, как и должно называть: любовью» (Кутзее 2011: 1). При этом возникает ощущение, что именно эта женщина позволит профессору Лури обрести долгожданный покой.

Байроновский замысел сопровождает Лури везде. В Грейамстауне у него из привезенных им книг уцелели только два тома писем – остальные остались в багажнике угнанной машины. Публичная библиотека могла предложить только избранные произведения. Сложившиеся обстоятельства подтолкнули профессора к мысли, что продолжать чтение не имеет смысла, поскольку новая информация о времяпровождении Байрона и его друзей в старой Равенне не поможет ему «придумать Байрона, подлинного Байрона, да и Терезу тоже». Ему представляется тридцатипятилетний поэт «одиноким стоящий на сцене, набирающий воздуха в грудь, чтобы запеть» (Кутзее 2011: 1). В будущем – Греция, в настоящем – ощущение бессмысленности жизни: «„Sunt lacrimae rerum, et mentem mortalia tangunt“*, – такими будут слова Байрона, теперь он в этом уверен. Что касается музыки, она маячит где-то вдаль, но близко пока не подходит» (Кутзее 2011: 1). Реализация замысла продвигается медленно. Существуют разрозненные фрагменты, первые слова первого акта не даются, первые ноты остаются уклончивыми. Время от времени возникает опасение, что выдуманные персонажи / «призрачные собеседники» (Байрон, Тереза Гвиччиоли, Маргарита Когни) вдруг исчезнут, и это наполняет Дэвида Лури «отчаянием, таким же серым, ровным и в конечном счете бессмысленным, как головная боль» (Кутзее 2011: 1).

* „Слезы сочувствия есть, и земное трогает душу“ цитата из „Энеиды“ Вергилия (Пер. с лат. В. Брюсова).

Задуманная Лури опера первоначально вращалась вокруг лорда Байрона и его любовницы, графини Терезы Гвиччиоли: «Это должна была быть камерная пьеса «о любви и смерти, с пылкой юной женщиной и некогда пылким, но уже поостывшим мужчиной постраше; пьесу, действие которой оттеняется сложной, тревожной музыкой, английским пением, то и дело норовящим перейти на вдохновенный итальянский» (Кутзее 2011: 1). Пребывание на ферме дочери Люси изменило отношение к замыслу оперы, поскольку ему «никак не удастся всерьез задеть струны его души», «что-то есть в нем неверное, идущее не от сердца» (Кутзее 2011: 1). Лури начинает понимать, что он может создать убедительный образ Байрона, но «юная, алчная, своенравная, вздорная» Тереза «не отвечает музыке, о которой он мечтает, музыке, чьи гармонии, по-осеннему пышные, но отзывающиеся иронией, он улавливает внутренним голосом» (Кутзее 2011: 1). Профессор начинает искать другие пути и в результате обращается к воссозданию образа Терезы в ее зрелые годы. Новая Тереза – это «кряжистая, низкорослая вдова» с отяжелевшим бюстом, коренастым туловищем, коротковатыми ногами, с лицом, покрытым нездоровым румянцем. Она больше напоминает крестьянку, *contadina*, чем аристократку. Трудно поверить, что именно эту женщину с приступами астмы летней порой, во время которых «она жадно хватается ртом воздух», некогда обожал поэт-романтик Байрон. Она живет со своим престарелым отцом на вилле Гамба, ведет хозяйство, не любит развязывать шнурки на мошне, присматривает за слугами, чтобы те не крали сахар. Сундучок с письмами и памятными вещами (хранит под кроватью) – «единственное оставшееся у Терезы притязание на бессмертие, единственное утешение ее одиноких ночей» (Кутзее 2011: 1). Профессор Лури в недоумении задается вопросом, неужели «это и есть героиня, которую он искал столько времени» и «сможет ли постаревшая Тереза увлечь его сердце – такое каким оно стало теперь?» (Кутзее 2011: 1). Парадоксальным образом именно эта новая Тереза оказывается своеобразным *alter ego* изменившегося до неузнаваемости Дэвида Лури. Оба постаревшие, опустившиеся, разочарованные, полные былых воспоминаний и жаждущие вернуть прошлое («Приди, молю тебя, Байрон!» - Кутзее 2011: 1). Но именно такая Тереза оказывается последней, «кому по силам спасти его» (Кутзее 2011: 1). Размышления о «противостоящей мраку Терезе» позволяет начать новую жизнь «с нулевой отметки», «с ничего», «без карт, без оружия, без собственности, без прав, без достоинства». Но самое главное Лури постепенно приходит к пониманию важности выбора своей дочери Люси – остаться жить и «начать все сначала» на земле, которая уже тебе не принадлежит. Теперь настоящими владельцами бывших колониальных территорий стали местные жители. Это восстанавливает справедливость и разрушает некогда установившийся «порядок». Для бывших представителей метрополии наступает новый этап, когда возможность «научиться мириться» выступает на первый план.

Таким образом, в романе Дж. М. Кутзее «Бесчестье» жизнь и творчество английских поэтов-романтиков выступает не только определяющим структурным элементом сюжетообразующим элементом, но и используется в качестве своеобразного «ключа», при помощи которого автор и его персонажи пытаются проникнуть в противоречивые и сложные реалии современности. Южноафриканский писатель красноречиво доказывает бессмертность и неисчерпаемость классики, которая действительно может выступать источником для вдохновения и построения собственных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Кутзее 2015: Кутзее Дж. М. *Бесчестье: роман*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.

Кутзее 2011: Кутзее Дж. М. *Дневник плохого года*. М. : АСТ, 2011. 360 с. [book online] Режим доступа: [http:// Royallib.ru](http://Royallib.ru)

Рушди 2010: Рушди С. *Шаг за черту*. М.: Амфора, 2010. 528 с [book on- line] Режим доступа: [http:// Royallib.ru](http://Royallib.ru)

Усманов 1981: Р. Усманов. Джордж Гордон Байрон. *Джордж Гордон Байрон. Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 1. М.: Правда, 1981. [book online] Режим доступа: http://www.lib.ru/POEZIQ/BAJRON/byron.txt_with-big-pictures.html

Халтрин-Халтурина 2011: Халтрин-Халтурина Е. Уильям Вордсворт: современник Джонсона, Байрона, Кэрролла. *Иностранная литература 2011, №3* (online) Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/3/vo9.html>

KETEVAN ELASHVILI

Georgia, Tbilisi

Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature

Blue (sorrow) Aesthetics (Nikoloz Baratashvili)

The word, with its “canonic” essence, goes alongside the literature, sometimes precedes it, and even clears the path for the concrete course of writing.

Sorrow saved the emotional depth from its terrestrial heaviness and then added density of infinity to it. Sorrow made romanticism as soul-penetrating as music, which with its hand, created blue aesthetics.

From this point of view Nikoloz Baratashvili reaches absolute perfection, who was romantic with his whole being and thanks to his creative or biographic peripeteia, created poetic and aesthetic icon for integration of sorrow in Georgian artistic thinking.

Nikoloz Baratashvili gave “Blue Aesthetics” to Georgian writing.

Key words: Baratashvili, Blue (sorrow), Aesthetics, Romanticism.